

более близкие аналогии этой фигуре, позволяющие раскрыть семантику не только «скелета» и «змей», но и некоторых других деталей изображения, обнаруживаются в шаманском костюме восточных тувинцев. Так, по аналогии с ним можно считать, что фигуру из Ая увенчивает головной убор, в верхней части которого имеются разведенные в стороны, но сшитые у основания длинные орлиные перья, а на лицо опускаются жгуты-ленты. На плечах фигуры видны обращенные вверх пучки перьев, олицетворяющие птичью ипостась шамана. Близость ряда деталей ритуальной одежды шаманской фигуры из бухты Ая к таковым у восточнотувинских шаманов свидетельствует о значительной древности традиции облачения у последних. Вместе с тем, учитывая, что «скелет» и некоторые другие особенности, присущие костюму восточнотувинских шаманов, известны также тунгусам, эвенкам, селькупам, якутам, кетам, в этногенезе которых участвовали компоненты, связанные в той или иной мере с пребыванием в обширном районе от Саян до Байкала, есть основания полагать, что шаманский костюм древнего прибайкальца, столь реалистично переданный в уникальной фигуре из Ая, был характерен не только для предков бурят, но и для всего древнего населения этого региона Южной Сибири.

Ряд параллелей в шаманской мифологии бурят и байкальских петроглифов, рассмотренных в рецензируемой книге, чрезвычайно интересен и свидетельствует о глубоких местных корнях бурятской культуры.

Разумеется, у читателей может возникнуть вопрос, как оказались в мифологии бурят сюжеты, восходящие к эпохе бронзы, если в то далекое время на берегах Байкала не только не было бурят, но и их ближайших предков. Ведь сам А. П. Окладников утверждал в своих предшествующих работах, что ядро бурятской народности составили монголоязычные переселенцы из степей Центральной Азии, появившиеся на берегах Байкала не ранее X—XI вв. Отвечая на этот вопрос, А. П. Окладников в рецензируемой монографии подчеркивает, что становление бурятской народности как этнографического целого шло сложными путями: на древнюю этническую основу и древнюю таяжную культуру, уходящую корнями не только в бронзовый, но и в каменный век, наслоились со временем новые элементы — степные, связанные сначала с тюрко-, а затем и с монголоязычными группами, которые влились в состав аборигенного населения. Вместе с тем в монографии большое внимание уделяется и другой стороне культурного развития местных племен — их культурным связям, далеко выходившим за пределы Прибайкалья. Байкальские петроглифы позволяют говорить о культурных контактах создавших их племен II и начала I тысячелетия до н. э. не только с населением соседних областей Сибири, но также районов, расположенных далеко на запад — Карелии, Прибалтики, вплоть до Скандинавского полуострова. Такая же непрерывность в распространении культурных элементов, как подчеркивает автор монографии, связывает Южную Сибирь и Забайкалье с Центральной и Средней Азией, что отражает существование уже в эпоху бронзы, а возможно, и ранее, широких по масштабам культурно-этнических контактов между древним населением этих областей Евразии.

Заканчивая чтение этой увлекательно написанной и очень содержательной книги, нельзя не согласиться с ее заключительными строками: «Самый главный вывод из всей суммы частных фактов имеет еще более широкий и общий характер. Он подтверждает, что в конечном счете все богатство нашей культуры есть результат коллективного творчества народов всей планеты — общее дело и достижение всего человечества».

С. И. Вайнштейн

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, 272 с.

Ленинградское отделение издательства «Наука» выпустило в свет новую монографию Ю. В. Кнорозова «Иероглифические рукописи майя», которая представляет собой итог многолетней работы автора по анализу и прочтению трех уцелевших рукописей индейцев майя, относящихся к XII—XV вв. н. э. Эта книга служит непосредственным продолжением монографии того же автора — «Письменность индейцев майя» (М.—Л., 1963), где содержатся факсимиле упомянутых рукописей, принципы их дешифровки, основы майяской грамматики и словарь старого языка юкатанских майя.

И хотя работы Ю. В. Кнорозова получили ныне широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом, необходимо еще раз отметить огромный личный вклад советского ученого в исследование культуры древних майя, в дешифровку и прочтение их литературного наследия. «Ирония интеллектуальной истории, — пишет профессор Иельского университета Майкл Ко, — состоит в том, что известие о дешифровке письменности майя пришло не из США, Англии или Германии, которые имели почти полную монополию на изучение майя в течение прошедшего столетия, а из Советской России — от ученого, который вдохновляется в своей работе идеями марксизма-ленинизма — Юрия Кнорозова»¹.

Видимо, специалисты в области лингвистики смогут в дальнейшем по достоинству оценить поистине подвижнический подвиг ученого. Ю. В. Кнорозов провел колоссальную работу по изучению особенностей языка далекого и малоизвестного нам до сего дня индейского народа, дал правильную общую оценку письменности майя как письменности иероглифической, разработал новые и оригинальные приемы дешифровки древних письмен (и не только майяских) — метод «позиционной статистики» и, наконец, дал полный перевод на русский всех трех уцелевших доиспанских рукописей, заговоривших вновь, пять веков спустя. Для нас же, историков, здесь важнее конечный результат — в научный оборот введен совершенно новый, полновесный исторический источник, способный во многом восполнить и изменить наши пока еще скудные представления о характере общества индейцев майя накануне испанского завоевания в XVI в. Правда, источник этот по своему содержанию весьма сложен и своеобразен. Все три иероглифические рукописи — Дрезденская, Парижская и Мадридская — являются жреческими требниками. «Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения (жрецы, воины, купцы, ремесленники, земледельцы), кроме рабов. Соответствующие указания даны в виде краткого описания занятий богов. Эти сведения давали основание жрецу совершать обряды, требовать надлежащей жертвы, определять благоприятное время и предсказывать будущее (в основном, конечно, бедствия) всем — от правителей до новорожденных, используя исторические прецеденты и астрологические данные... В жреческих требниках дела богов (примеру которых должны были следовать соответствующие группы жителей) описаны в строгих календарных рамках, с точностью до одного дня. Даты записаны цифрами и знаками. Занятия богов кратко указаны в тексте и, кроме того, изображены на рисунке (сцена). В сценах, кроме изображений, часто встречаются различные поясняющие символы или слова. Таким образом, в параграф рукописи входят календарные даты, текст и рисунок...»².

Сложный, эзотерический характер упомянутого источника делает его во многом малодоступным широкому читателю. Однако довольно пространные и квалифицированные комментарии Ю. В. Кнорозова в значительной мере устраняют и это препятствие, облегчая проникновение в таинственный и малопонятный для нас мир помыслов, чувств, верований и деяний создателей одной из величайших цивилизаций доколумбовой Америки.

К сожалению, издательство, по каким-то непонятным соображениям, неожиданно «урезало» столь необходимый читателю раздел комментариев, произвольно его сократив. В данном случае налицо вопиющее противоречие между интересами весьма широкой (в том числе и немалой зарубежной) читательской аудитории и узко ведомственными соображениями учреждения, основная задача которого, думается, состоит в том, чтобы пропагандировать и распространять выдающиеся достижения советской науки. По неизвестным причинам из рукописи книги были выброшены столь же необходимые читателю «Алфавитный указатель аффиксов и служебных слов», «Указатель имен», «Указатель дней 260-дневного цикла» и т. д., общим объемом свыше 30 страниц. Мне представляется, что подобное обращение со столь уникальной по характеру научной работой, какими бы высокими словами о рентабельности, «экономии средств» и т. д. оно ни прикрывалось, должно быть решительно осуждено. Мелкая экономия оборачивается здесь гораздо большими потерями морального и научного порядка.

В чем же состоит значение вновь опубликованных рукописей для исследования культуры древних майя?

Прежде всего в том, что это первые подлинные письменные документы майя доиспанской эпохи, дошедшие до наших дней, прочитанные и переведенные на один из европейских языков. До сих пор мы располагали для характеристики постклассического общества майя (X—XVI вв. н. э.) на Юкатане только испанскими источниками XVI—XVII вв. н. э., в которых многие стороны повседневной жизни индейцев либо искажались, будучи непонятными, либо вообще не освещались. Индейские источники — вроде известных книг «Чилам Балам»³, написанных латинскими буквами, но на языке майя, — хотя и включали в себя значительную информацию по доиспанской эпохе, были созданы уже в колониальный период и не могли не нести на себе заметного влияния христиан-

¹ М. Д. Сое. *Maya scribe and his world*. N. Y., 1973, p. 11.

² Ю. В. Кнорозов. *Иероглифические рукописи майя*. Л., 1975, с. 228.

³ См. Ю. В. Кнорозов. *Письменность индейцев майя*. М.—Л., 1963, с. 47—101.

ства и европейской культуры. Следовательно, майянистика вместе с прочтением этих трех рукописей XII—XV вв. н. э. впервые получила аутентичные исторические документы для периода, на несколько столетий предшествовавшего приходу в Новый Свет испанских конкистадоров. В этих документах, созданных майя и для своих внутренних потребностей, объективно отражены многие стороны их повседневной жизни, экономики, социально-политической структуры и верований. Особенно ценный материал дают рукописи для изучения религии древних майя. Большой интерес представляет, например, фигура Кан-ваай-туна (синоним Кан-ваай-ку) — бога-распорядителя четырех «зловещих» дней в конце года, когда производилась передача власти очередному правителю (аналогичные функции выполняли также Хо-ваай-туи, Мам; Йуу-аан). Этот бог, безусловно, имел вполне реального двойника и на земле в виде соответствующего должностного лица (видимо, верховного жреца), следящего за правильностью передачи власти от одного правителя другому.

Имена многих богов пантеона майя мы вообще впервые узнаем только из рукописей: Иум Виил — бог изобилия, Кашиш — бог дождя, боги — покровители профессий и сословий и т. д. В целом данные по майяской религии, содержащиеся в названных документах, — хорошая основа для проникновения и в более раннюю эпоху — время существования классических городов-государств (I тысячелетие н. э.).

Не менее важно и то, что на основе этих новых исторических источников Ю. В. Кнорозов создал впечатляющую картину майяского общества кауна испанского завоевания. Перед нами во всей осязаемой плоти фактов раннеклассовая цивилизация индейцев доколумбовой эпохи — один из наиболее типичных примеров раннеклассовой государственности и цивилизации древнего мира, дающий богатый материал для соответствующих параллелей и сопоставлений. И вполне закономерно В. Н. Никифоров в своей обстоятельной монографии «Восток и всемирная история», как бы подводящей итоги «второго раунда» дискуссий об «азиатском способе производства», подчеркнул, что благодаря исследованиям Ю. В. Кнорозова «Города-государства Центральной и Южной Америки несравненно полней, чем скудные сведения о древнеегипетской или шумерийской цивилизациях, позволяют представить жизнь первых островков классового общества...»⁴. Напомню, что речь идет как раз о постклассических обществах (X—XVI вв.) доиспанской Мезоамерики и Перу. Города-государства юкатанских майя предстают в интерпретации Ю. В. Кнорозова (см. раздел комментариев к рукописям, стр. 226—257) как сложные и динамичные социально-экономические организмы, с иерархической стратификацией общества, наследственными династиями правителей, влиятельным жречеством, военной и придворной знатью, профессиональными ремесленниками и торговцами (которые обслуживали, правда, главным образом нужды правящей верхушки города), свободными общинниками (земледельцами, рыбаками, охотниками, пчеловодами и т. д.), всякого рода зависимыми людьми и рабами. Экономическую основу майяских городов-государств на Юкатане составляло земледелие — подсеčno-огневая система «милльпа» (стр. 230—238).

Однако для полноты исторической картины иероглифические рукописи майя необходимо сопоставить с другими видами источников, и прежде всего с археологическими находками. Только такой комплексный метод исследования и дает максимальный эффект при всякого рода исторических реконструкциях древних социально-экономических систем. И пожалуй, нигде больше в Новом Свете плодотворные результаты этого союза археологии, этнографии и истории не проявляются столь наглядно и ярко, как на территории культуры майя. Особенно велики возможности археологии и этнографии в области изучения древней экономики. Не приходится сомневаться в том, что основой хозяйства юкатанских майя в X—XVI вв. было подсеčno-огневое маисовое земледелие. Справедливы и слова Ю. В. Кнорозова об ограниченных возможностях этой экстенсивной системы. «Через 2—3 сезона, — пишет он, — кукурузное поле истощалось и на четвертый год жрецы уверенно предсказывали неурожай...» (стр. 230). Однако в таком случае остается непонятным, каким образом достигли древние майя прочной оседлости, значительной концентрации населения в определенных районах и, наконец, создания многолюдных городов, существовавших непрерывно в течение многих столетий? Здесь и приходят на помощь данные археологии и этнографии. Выяснилось, что сложный, многоцелевой характер земледелия у древних майя (сочетание на одном участке различных культивируемых растений и деревьев) позволял долгое время сохранять плодородие почвы даже в условиях ее интенсивной эксплуатации при подсеčno-огневой системе. Кроме того, многообразие природных и климатических условий даже в пределах сравнительно единой географической зоны лесистых тропических равнин (долины рек с ежегодными паводками, озера, гряды холмов, болотистые низины и т. д.) позволяло индейскому населению жить оседло на одном месте, без какой-либо опасности исчерпать плодородие окрестных полей. Большую роль играло сочетание «милльпового» лесного земледелия с интенсивной обработкой искусственно удобряемых приусадебных участков, садов и огородов, существовавших на всей территории майя. Наконец, археологически доказано теперь и наличие у майя с глубокой древности и некоторых интенсивных систем земледелия: террасы, каналы, «возвышающиеся поля» (ridged-fields) и т. д.

⁴ В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975, с. 249.

Мне представляется не совсем правильным видеть, как это делает Ю. В. Кнорозов (стр. 229—230), в присутствии в рукописях сведений о собирательстве улиток, моллюсков и водяных лилий на берегах водоемов только ретроспективное отражение древних доземледельческих способов хозяйственной деятельности. Увы, даже в эпоху расцвета цивилизации зыбкое равновесие земледельского хозяйства майя всецело зависело от капризов природы. Засухи, ураганы, неистовые тропические ливни часто вызывали в селениях Юкатана подлинное опустошение. И тогда майские земледельцы, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были добывать себе пищу собирательством, рыболовством и т. д. Кроме того, водное и лесное собирательство, видимо, довольно широко практиковалось для пополнения запасов пищи между сборами урожая маиса и прочих сельскохозяйственных культур. Этим и объясняется, по-моему, присутствие столь странных, на первый взгляд сюжетов, в трепниках сельских жрецов майя XII—XV вв., как собирательство водяных лилий.

Очень полезным оказалось сопоставление сведений о погребальном обряде, содержащихся в рукописях, с данными археологии. «Умершего окрашивали в красный цвет (очень древний обычай, вероятно, не раз пересмыслявшийся)», — пишет Ю. В. Кнорозов (стр. 249). Судя по археологическим находкам, в I тысячелетии н. э. в низменных лесных областях майя в красный цвет окрашивали только погребенных самого высокого социального ранга. Этой же краской покрывались стены заупокойных храмов правителей, лица и открытые части тела у фигур, запечатленных на стенах, притолоках и рельефах майских городов.

«В связи с преданиями о прибытии предков с севера, — продолжает Ю. В. Кнорозов, — считалось, что умерший отправляется на легендарную северную родину...» (стр. 249). При раскопках Тикаля и Вашактуна — древнейших центров цивилизации майя классического периода — было установлено, что наиболее пышные и богатые гробницы содержат погребения людей, лежащих вытянуто на спине, головой на север, т. е., видимо, к легендарной прародине⁵.

Весьма интересными представляются мне и сообщения рукописей о наличии у майя накануне конкисты культа предков. По Дрезденской рукописи, например, бог-земледелец отправляется в определенное время года к могилам предков «для получения руководящих указаний от умерших...» (стр. 249). Рядовые общинники майя хоронили своих покойников под полами и платформами домов, после чего, согласно некоторым источникам XVI в. (Диего де Ланда), дом покидался жителями, оставаясь в полном владении призрака умершего. Однако археологические исследования не подтверждают этих сообщений, по крайней мере для доклассического (I тысячелетие до н. э.) и классического (I тысячелетие н. э.) периодов. При раскопках скромных жилищ (house mounds) выяснилось, что захоронения в них совершались многократно, но дом, тем не менее, продолжал нормально функционировать, как и прежде (Вашактун, Бартон Рамье и др.).

В Тикале жилые и хозяйственные постройки обычно встречаются группами по две — пять штук, расположенными вокруг прямоугольных внутренних дворов и площадок. Американские археологи с полным основанием отождествляют каждую такую группу с домохозяйством большой патрилокальной семьи (extended patrilocal family). Почти во всех этих домохозяйствах одна из построек архитектурно, да и по более богатому набору вещей, несколько выделялась среди других. Именно там находится обычно и больше всего погребений. Вполне вероятно, что в этих более просторных и богатых домах жили самые старшие в большесемейных коллективах.

Таким образом, культ предков (судя по историческим и этнографическим данным) играл существенную роль в религиозных обрядах всех слоев общества майя. Он осуществлялся первоначально только в семейных святилищах и внутри домов, так как умерших хоронили тут же, под полами жилищ. Как и все земледельческие народы, майя придавали большое значение общению с духами предков с целью получения от них покровительства и прогнозов на будущее. Однако по мере усиления социального размежевания в обществе майя и укрепления власти правителя все более выступает на первый план поклонение царским предкам. Культ предков правителя осуществляется теперь в специальных храмах, возведенных над гробницами наиболее почитаемых представителей правящей династии. Судя по материальным признакам проявления этого культа (культ стелы — алтаря) и по размаху архитектурного строительства в этой связи, уже на рубеже нашей эры поклонение царским предкам приобрело характер общегосударственной религии. Именно данная особенность майяской религии оказала непосредственное влияние как на официальное искусство городов-государств I тысячелетия н. э., так и на их внешний вид и планировку. Наиболее ярким примером такого рода мемориальных сооружений, связанных с заупокойным культом правителя и его предков, служит «Храм Надписей» в Паленке (VIII в. н. э.): там между гробницей правителя и храмом наверху существует не только опосредствованная, но и прямая связь — через особую каменную трубу — «канал для души», по меткому выражению А. Руса Луилье⁶.

⁵ A. Ruz Lhuillier. Costumbres funerarias de los Antiguos Mayas. México, 1968, p. 113—119.

⁶ A. Ruz Lhuillier. La civilizacion de los Antiguos Mayas. Santiago de Cuba, 1957, p. 145—166.

В заключение следует отметить еще один немаловажный момент. Как ни значительны сами по себе для современной американистики дешифровка и прочтение трех уцелевших иероглифических рукописей майя XII—XV вв., еще важнее представляются мне те многообещающие перспективы, которые открывает фундаментальная работа Ю. В. Кнорозова для дальнейших исследований в области майянистики. Перевод рукописей — хорошая база для изучения других текстов майя: речь идет прежде всего о многочисленных иероглифических надписях некалендарного характера, запечатленных на каменных стелах, алтарях и рельефах, а также на фресках и росписях керамических сосудов в городах I тысячелетия н. э. Наличие значительного числа стандартных надписей на погребальной керамике из царских гробниц классического периода открывает самые блестящие возможности в данном направлении⁷. Широкое чтение таких надписей на сооружениях и предметах, находимых во время раскопок древних городов, позволило бы в свою очередь довольно быстро вывести археологию майя на уровень археологии месопотамской и египетской, где, как известно, во многом «скупой» и ограниченный на историческую информацию археологический материал удачно дополняется сведениями дешифрованных еще в прошлом веке клинописных текстов.

В. И. Гуляев

⁷ М. Д. Сое. Указ. раб., с. 3—12.